

Piotr Czerwiński

Uniwersytet Śląski w Katowicach

РАСКРЫВАЕМАЯ ДВЕРЬ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПЕРЦЕПТИВНО-ГЕНЕРАТИВНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Opening “the Door” from the Russian Language Perceptive-Generative Position

ABSTRACT: The well-known Russian door-riddle is the base for an arising of the sense of modelling meaning which is a part of this riddle. The components of these riddles are to describe the ethnocultural senses based upon five foundations. These foundations are reflected in: a) numbers and their mutual relations (from 8 to 1 while guessing), b) the door geometry which is reflected in the riddle, c) the static and dynamic positions at the door (*стоять/stay, лежать/lay, ходить/walk, водить/move* etc.), d) the predicates that refer to the door and that are manifested by the door, e) the directions of the movement mapped out by the door and being the result of the predicates. The analysis based on these parameters helps the author to draw conclusions on the conceptological and linguistic-cultural marking of traditional folk texts (the riddle refers to them) and the images bound to these texts. These conclusions also refer to the belle-lettres. These images being parts of these texts are transferred via constant/loose word relations of an evaluative character retained in views and via the contextual background.

KEYWORDS: riddle, semantics, modelling, ethnocultural meaning, mentality, linguistic consciousness

Начнем с того, что дверь в коллективном сознании, и не только сознании, и не только русскоязычных, очень мощный кумулятивный образ, вбирающий в себя большое количество смыслов и представлений, что следует как из древности¹ самого объекта, так и из места его в человеком освоенном и во многом созданном для себя экзистенциональном пространстве. О семантике двери написано

¹ Не случайно и показательно то, что при выведении этимологии *двери* словари, определяя индоевропейскую корневую основу (*dhǵǵr-: *dhǵǵr-: *dhur-: *dhur) и приводя соответствия из родственных языков, представляют ее как первообразную. (П.Я. Черных, *Историко-этимологический словарь современного русского языка*, 3-е изд., стереотипное, Москва: Русский язык 1999, т. I, с. 233; М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка. В четырех томах*, Перевод с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. Изд. второе, стереотипное, Москва: Прогресс 1986, т. I, с. 487; А.Г. Преображенский, *Этимологический словарь русского языка*, Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей 1958 (репродуцировано с выпуском 1910-1914, 1949), т. I, с. 175; *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 5 (dǵlo – dǵzǵlǵ), Москва: Наука 1978, с. 172).

очень много, сам разбор и перечисление наиболее значимых в этом списке работ мог бы занять немалый объем.

Выбранный нами аспект заключается в представлении двери не как таковой и не во многих возможных ее положениях и обстоятельствах, что видится как задача объемная и многотрудная. Не в обрядах², свадебном³ и погребальном⁴ прежде всего, опирающихся на ее значение в народной традиции. Не при родах⁵, предполагающих появление кого-то на этот свет с приходом его из другого света. Не при проходах и не при встречах⁶. Не при вхождении в дом и выхождении из дома. Не как, в конечном итоге, неотъемлемый составной элемент состава дома⁷ и всевозможного рода построек. Не как весьма существенный образ толкуемых с разных сторон сновидений⁸.

² Ср. обобщающее замечание Л.Н. Виноградовой по данному поводу: «В обрядовой практике Д [верь] служит чаще всего объектом и локусом охранительных магических действий, относящихся к важнейшим моментам семейной жизни (роды, свадьба, смерть). Нормальным, по народным поверьям, считалось положение закрытых Д.; сон об открывающейся Д. был предвестием беды». (Л.Н. Виноградова, *Дверь*, [в:] *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*, Москва: Международные отношения 2002, с. 126). И там же подробное представление о семантике двери в народной культуре. О защитной функции двери в славянских обрядах на обширном материале в самых разных местах своей монографии пишет Е.Е. Левкиевская, *Славянский оберег. Семантика и структура*, Москва: Индрик 2002.

³ О многообразной функции двери в брачно-свадебных отношениях, не только в обряде, см.: А.В. Гура, *Брак и свадьба в славянской народной культуре. Семантика и символика*, Москва: Индрик 2011, с. 24, 28, 45, 94, 134, 151, 153, 155 и мн. посл.

⁴ Подробно об этом см. в работе: О.А. Седакова, *Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян*, Москва: Индрик 2004, с. 73-74, 81, 86 и др.

⁵ «С образом двери, с действием отпирания двери, через которую на этот свет „впускается“ новая жизнь, ассоциируются в народном сознании роды. Для благополучного исхода родов, для того, чтобы они были скорыми и легкими, отпирались все имеющиеся в доме замки, вплоть до самых маленьких». (*Энциклопедия суеверий*, Москва: Локид, Миф 1996, с. 374).

⁶ В этих случаях дверь фигурирует, в первую очередь, как граница (дома), через которую следует переступить, соблюдая необходимые ограничения и правила. А.К. Байбурун, *Ритуал: свое и чужое*, [в:] *Фольклор и этнография (Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры)*, Ленинград: Наука 1990, с. 3-17; Л.Н. Виноградова, *Граница как особая пространственная категория*, [в:] *Её же, Мифологический аспект славянской фольклорной традиции*, Москва: Индрик 2016, с. 241-247.

⁷ «Дверь – один из важнейших элементов в семантической структуре дома. Дверь служит средством регламентированной связи с внешним миром. Дверь встречает каждого входящего в дом (см. дверь «привратник», *primitorul casei*), т. е. контролирует вход и выход. Закрытая дверь обеспечивает замкнутость дома и безопасность находящихся внутри (закрытую изнутри дверь в фольклорном мире нельзя открыть снаружи). По контрасту с неподвижным домом, основной признак двери – движение». (Т.В. Цивьян, *Дом в фольклорной модели мира (На материале балканских загадок)*, [в:] *Семиотика культуры. Труды по знаковым системам. X*, Тарту: Изд-во Тартуского государственного университета 1978, с. 68-69; выделения в тексте источника).

⁸ В этом месте сошлемся лишь на одну работу среди целого ряда подобных: В.П. Самохвалов, *Дверь*, [в:] *Его же, Психоаналитический словарь и работа с символами сновидений и фантазий*, Симферополь: СОНАТ 1999, с. 49-53.

Во всем этом допускается неизбежная мысль о контакте, взаимодействии с чем-то другим, приходящим, а также, возможно, вторгающимся. В этом смысле дверь выступает как кумулятивный, так и коммуникативный образ, предполагающий заключенный в ней выход и вход, а тем самым взаимодействие и общение, с чем-то иным, возможно пугающим, чуждым и потусторонним. Из чего получается, что дверь, с одной стороны, защищает и не дает, обеспечивает и ограждает, а с другой, та же дверь, открываясь, впускает, далеко не всегда благотворное чего-либо или кого-либо появление.

Предварив это все таким каким-то включением, с тем чтобы оттолкнуться от чего-то наглядного и осязаемого, обратимся к примеру – известной загадке с отгадкой **дверь**: «Два стоят, Два лежат, Пятый ходит, Шестой водит, Седьмой песенки поет?»⁹ Ответ объясняется просто: два, или двое¹⁰, те, что стоят, косяки, два, или двое, лежащих при них, это притолока и порог, пятый – сама туда и сюда ходящая дверь, ее створ, полотно, шестой предстает как дверная ручка, а седьмой – ее петли, или завесы. У Даля в его пословицах это выглядит как косяки, притолока и порог, полотно, рука, пята¹¹, что, с учетом двух последних определений, предполагает персонификацию двери с уподоблением ее человеку.

Дверь в приведенной загадке, если присматриваться к составу ее образующих, выглядит как единое, собранное и совместно действующее объединение. В одном из вариантов, правда с меньшим числом участников, на это прямо указано: «В семье пять братьев. Двое стоят, двое лежат, а один всё ходит туда-сюда». Из чего получается, что дверь не простое объединение, а связанное равно-кровными отношениями братство, или семья.

Другая группа загадок представляет дверь как подобное человеку, но при этом целостное, а не составленное из равных между собой, существо. Приведем их в перечислении: «Маленький Захарчик всем под ноги заглядчик» (о дверном пороге). «В сенях ходит, да в избу не заходит». «Без ног ходит, хотя и висит, Маслица просит, когда скрипит». «По сеням и так и сяк, а в избу никак». «Не шагает, а ходит, По сеням и стук и бряк, Бьется и так и сяк, А в избу войти не может никак». «Стоит баба поперек, Одна рука в избе, другая на дворе»¹². И в дополнение еще и такие, в том числе областные, из сборника Д. Садовникова: «Ночь всю спит, А днем стару бабу За пуп да за пуп. И старый и малый за пупок тянут. Старик горбатый Всем руку подает. Кто всякому руку подает?»¹³.

⁹ *Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач.* Сост. Д. Садовников, Москва: Современный писатель 1995 (по изд. 1876 г.), с. 20.

¹⁰ У В.И. Даля дается *двое*, но без *седьмого*: *Двое стоятъ, двое лежатъ, пятый ходитъ, шестой водить?* (*Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах.* Воспроизведено с изд. 1955 г., набранное и напечатанное со второго издания (1880-1882 гг.), Москва: Русский язык, т. I, с. 418).

¹¹ *Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах,* Москва: Художественная литература 1984, т. 2, с. 88.

¹² *Загадки про дверь*, [в:] <http://zagadki-s-otvetami.ru/359-zagadki-pro-dver.html> (12.06.2021).

¹³ *Загадки русского народа...*, с. 21.

Обратимся к первой из приведенных загадок («Два стоят, два лежат» и т. д.), анализируя дверь в содержащемся в ней, а тем самым и в двери, моделирующем отношении. Выделяется в этой связи то, что можно определять как а) числовую, точнее в числе отражаемую, модель; б) геометрию, заключенную в двери; с) позиции при двери; d) предикаты, имеющие к ней отношение; e) направленности обусловленного дверью движения.

Числовая модель предполагает единство, в основе которого лежит число семь, как развернутое, стремящееся к единице при свертывании. Семь проявляет себя в произведенном перечислении всех компонентов, единица – в отгадке подразумеваемая **дверь**, через посредство пяти, в тексте объединяемых двух пар (**двое + двое**) плюс того, кто **ходит**, как третьего, того, кто **водит**, четвертого, и поющего **песенки** в качестве пятого. И через посредство троичного – четырех в их статичности (тех, что **стоят** и лежат), пятого и шестого как динамичных, поскольку производят какие-то действия (один из них **ходит**, другой **водит**), и седьмого – как эмотивно себя объявляющего (**песенки поет**).

Возможно, как дополнительное, но не менее важное, выделение шестерки, без учета седьмого, стоящего особняком. И загадка имеет такой вариант. Возможным видится также установление четверки, если представить шестого, имея в виду под **водит**, что это действие, связываемое с необходимым объектом вождения и поэтому обусловленное. Возможно также еще одно положение, объявляющееся в числе два, при котором семеро в тексте загадки противопоставляются единице двери в отгадке, из чего получается в совокупности восемь.

В цифровом выражении передать это можно, от развернутого к свертываемому положению для двери, следующим образом: $8 : \{ [7 (6) - 5 (4) - 3] > (2) > 1 \}$. И в обратном движении, при разгадывании, от двери к ее составляющим: $[1 > (2) > 7 (6) : 5 (4) : 3] > 8$.

Не будем входить в уточнения числовых значений модели, поскольку не семантика чисел была предметом нашего интереса, обратив внимание лишь на то, что 8 для разбираемого смысла определяет скрытую целостность в отношении 1, распадающуюся на 2 единства vs. состава, в развернутом виде себя объявляющего в 7 совместно раздельного взаимодействия. И далее 6 – как участвующих в общем взаимодействии, без седьмого, в нем не участвующего; 5 – отраженных в тексте в связи с характером их объединяющего положения (**двое + двое**, те, что **стоят**, и те, что **лежат**) либо производимого действия (**ходит**, **водит**, **поет**); 4 – в безусловных неперенным объектом и потому предполагающих самостоятельность проявления (**стоять**, **лежать**, **ходить**, **петь без водить**) и 3 статичного (**стоят**, **лежат**) / динамичного (**ходит**, **водит**) / эмотивного (**песенки поет**) различия.

Что касается признака, определенного как геометрия, заключенная в двери (b), то можно увидеть – две статичные вертикали (**стоят**), две статичные горизонталы (**лежат**), хождение, которое следует понимать как динамичную в своем проявлении горизонталь, вождение – также как динамичную горизонталь с тем отличием от хождения, что имеет водимого и водящего, и, наконец, последнее

(песенки поет), воспринимая это как то, что может быть как горизонтальным, так и вертикальным, равно как и направляемым вверх под каким-то углом от поющего.

Особенностью содержащегося в двери геометрического устройства будет и то, что два первых парных положения имеют вид отрезка, поскольку те, что **стоят**, и те, что **лежат**, предполагают начало и с ним конец, основание (для стояния) и его вершину, также как занимаемое положение в каких-то пределах лежащих. Хождение, в свою очередь, можно представить в трех отношениях. Как параллельно устроенную и повторяющуюся (поскольку **ходит** неоднократно), отрезочную, горизонталь. Не как отрезок, а круг, поскольку движение может производиться по кругу. Если же видеть в хождении распознаваемую дверь, то производимое ее створом движение описывало бы в удаленной точке дугу, обходящуюся либо вокруг треугольника в своем основании, либо, что менее вероятно, вокруг полукруга. К этому необходимо добавить трехмерность, и хождение получит вид либо срезанного в треугольный сектор цилиндра, либо полуцилиндра.

Вожжение, в свою очередь, не предполагает, в отличие от хождения, непременно возвращения к точке исходного, и тогда его горизонталь могла бы выглядеть не как отрезок, а как луч, поскольку от чего-то вождение должно начинаться, однако без завершения и конца. И, наконец, то, что касается пения песенок, в геометрическом отношении это был бы луч, поскольку неясно, где себя завершает в его досягаемости производимое пение.

Небезынтересным видится также структурно-количественная организация двери, передаваемая в загадке. Имеются пары – те, что **стоят**, те, что **лежат**, тот, кто **водит**, с тем, кого **водит**, с равными отношениями первых двух и подчинением в третьем случае. И имеются единицы – пятый, который **ходит**, и седьмой, который **поет**. Из чего получалась бы, в цифровом выражении, формула, заключающая в себе модель: $2(1=1) - 2(1=1) - 1 - 2(1>1) - 1$.

Стоит вернуться к двум первым из перечисленных компонентов, к тем, что **стоят** и **лежат**. Не имея в виду отгадки, стояние в соединении с лежанием можно по-разному представлять: а) в виде прямого угла, напоминающего латинскую букву L, с поворотом в любую сторону, равно как и поставленную крышкой вверх; б) в виде перевернутой либо прямо поставленной буквы T; с) в виде перевернутой либо прямо поставленной буквы П. И, наконец, при отгадке, с учетом ее, д) в виде прямоугольника.

Определяемые параметральные характеристики следует понимать в двух существенных, как для загадок, имея в виду их роль для народной традиции¹⁴,

¹⁴ О загадке как тексте народной традиции написано очень много и с самых разных сторон, среди которых не последнее место отводится отнесенности текстов данного жанра к ментальной традиции этнокультуры. Назовем лишь некоторые работы: М.С. Волоцкая, А.В. Головачева, *Языковая картина мира и картина мира в текстах загадок*, [в:] *Малые формы фольклора. Сборник статей памяти Г.Л. Пермякова*. Сост. Т.Н. Свешникова, Москва: Восточная литература

так и для самой двери, отношениях. При отгадывании, и это было бы первым, происходит при поиске правильного ответа движение мысли, в сознании перебираются, переставляясь и составляясь, соотносимые между собой элементы, с тем чтобы выстроить их каким-то распознаваемым для загадываемого объекта образом. И тогда указанные стояние для двоих, лежание, хождение, вождение, пение песенок должны находить при таком переборе необходимое выражение.

Вторым отношением было бы то, что обозначаемая таким образом дверь предполагает в своей основе модель – организации и устройства, типичных для человеческого существования и бытия, опираясь на имеющиеся в сознании представления о вертикали и горизонтали, отрезке, линии, круге, луче, дуге, прямоугольнике, секторе, полукруге, цилиндре и пр.

Перейдем к позициям при двери в пункте (с). Внимания при этом также заслуживает градационное по своему характеру нарастание от **стоят** и **лежат**, что не только статично, но и способно иметь отношение к неодушевленным предметам, с динамичностью и предполагаемой одушевленностью применительно к **ходит**, с добавлением волевого и управляющего компонентов при **водит**¹⁵. То и другое при этом предполагает направленную на достижение результата цель, поскольку не просто так себе ходит и для чего-то водит кого-то. В конечном пункте, для **песенки поет**, не только цели не предполагающем, но и видящем это как обладание, наделенность каким-то запасом знаний (надо знать эти **песенки**), с дополнительным предположением определенного эмотивного состояния.

Отталкиваясь от сказанного, можно видеть такие, значимые для носителей языка, развития, как **стоять / стать (как врытый, как вкопанный, столбом) при двери, в дверях, у дверей / у двери, за дверью, перед дверью, под дверью**. Общим значением было бы положение для того, кто стоит, воспринимаемое как навязанное ему либо вынужденное неспособностью с его стороны, переступить порог двери, с тем чтобы войти в помещение или же отойти от нее. Себя проявляет при этом императив, или собственный, от субъекта, или внешний, возможно навязанный, неподвижной привязанности и обусловленности. Дверь становится в этом случае обозначенным средством прикрепления

РАН 1995, с. 218-244; Р.Н. Дёмин, *Загадка как одна из форм инициации в философское знание*, «Петербургская школа» 1998, № 1, с. 28-30; И.А. Седакова, С.М. Толстая, *Загадка в славянском фольклоре*, [в:] *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*, в 5 т. Под общ. ред. Н.И. Толстого, Москва: Международные отношения, 1999, т. 2: Д (Давать) – К (Крошки), с. 233-237; В.Г. Сибирцева, *Языковая картина мира в русской загадке*. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук, Нижний Новгород 2003; О.С. Орлова, *Загадка как объект лингвистического изучения*, [в:] *Словору: Балтийский акцент*, 2017, т. 8, № 3, с. 104-114.

¹⁵ В данном месте стоит упомянуть работу, касающуюся проблемы статического и динамического различия с позициями при двери, передаваемыми с помощью русских предлогов *перед* (дверью), *под* (дверью), *за* (дверью): В.Ю. Апресян, Е.В. Рахилина, *Две стороны фасадности: двери и окна*, «Труды института русского языка им. В.В. Виноградова» 2020, № 24, с. 130-147.

к ней человека, фигурируя как граница, поставленная перед ним, находясь при которой ему не положено ее ни покинуть, ни преступить.

Вторую группу составили бы выражения для **лежать / лечь – под дверью, у двери, перед дверью, поперек двери, за дверью, в двери, а также в дверях**. Рассмотрим лишь некоторые из них. **Лежать (лечь) под дверью** может предполагать а) неспособность, поднявшись на ноги, войти в дверь, открыв ее, скажем, ключом, по причине не позволяющего произвести это слабого состояния; б) длящуюся во времени неспособность войти в свою дверь по причине отсутствующего (забытого дома, потерянного) ключа; с) внутри помещения, ослабев, утратив способность подняться, оказаться перед дверью в беспомощном положении. **Лечь под дверью / у двери / перед дверью / в двери / за дверью** (как внутри помещения, так и вне его) и, тем самым, **лежать под** нею, может предполагать зависимо-охранительный смысл, для того, кто желает или берет на себя подобного рода задание. **Лечь в двери / в дверях**, главным образом **лечь**, с целью преградить кому-то возможность выхода (как правило, из помещения). Подобным образом будет использоваться и **поперек двери**.

В отличие от группы с глаголом **стоять (стать)**, положение с **лежать (лечь)** не представляется как значение императива. Вынужденная обусловленность дверью, горизонтально ориентируемое отношение к ней следуют из неспособности либо выбора, принятого на себя в силу склоняющих к тому обстоятельств. Сохраняя смысл неподвижной привязанности и обусловленности при **лежать (лечь)** для двери, в обобщении его следует видеть как заданность, понимая под этим неизбежность как объективного, так и субъективного проявления. Дверь в этих случаях себя обнаруживает не столько как средство, сколько как знаковый по своему характеру определитель, дающий возможность представить обозначаемое положение. Можно было бы говорить об индикативном (как указательном) характере в этом случае для двери.

Третья группа, с глаголом **ходить – под дверью, перед дверью, у двери, за дверью**, с усилением **топтаться, толочься, стучаться, толкаться, тыкаться, ломиться в** (но не в открытую) **дверь, сорвать дверь с петель, выломать дверь, кидаться на дверь**, а также **выйти за дверь, в дверь, закрыть дверь с другой стороны, поцеловать дверь (ручку у двери, порог, порожек, никого не застав либо не будучи впущенным), хлопнуть дверью** (демонстративный уход, оставление помещения) и пр.

Объединяющим для всех этих позиций будет движение, производимое либо с целью проникновения внутрь, либо с целью слежения и наблюдения за тем, что внутри, либо при вынужденном ожидании прихода того, кто впустит, или того, кого ждут, – предполагающее а) невозможность по каким-то причинам указанного проникновения; б) насильственное стремление его совершить; с) выход как оставление помещения, самостоятельный либо вынужденный. Дверь во всех этих случаях, связываемых с позицией при **ходить**, выступает в роли препятствия, отмечающего не пересекаемый либо преодолеваемый с усилиями предел.

И это была бы тогда целевая отмеченная обусловленность, осуществляемая в отношении двери.

Следующая позиция, при шестом компоненте с **водит**, предполагает взаимодействующий характер участников, того, кто совершает действие, и того, над кем оно совершается: **А водит В**. Характеризуемое **водит** предполагает, может предполагать, наличие части объекта, за которую, взявшись, ведущий будет водить. Ср.: **водить за руку**, а также **водить кого-то за ручку**. Возможно также отсутствие этой самой руки. Ср.: **Она им водит**, т. е. стоит за его проявлениями, определяет его поведение. Или **водить кого-то по лесу, водить по горам, водить по дому, водить по городу, водить по степи, по пустыне, по парку, в море водить корабли** и пр., предполагающие знание или чувство ориентации в данном пространстве, либо закладываемый в такое вождение обман, если не следующее из самообмана блуждание.

Из всего этого следует определяющий характер того, кто **водит** (с рукой или без), предполагающий осведомленность и необходимую при этом способность, представление о достигаемой в результате цели, которая может быть как совместной, так и связываемой с тем, кого будут водить. Тем самым, имеются *A* – совершающий действие, *B* – тот, над кем оно совершается, *C* – то, во имя или ради чего: $(A > B) \rightarrow C$: **А водит В** для достижения *C*.

Тот, что **водит**, или **шестой**, становится в перечисляемый ряд от **стоят, лежат, ходит к седьмому**, поющему **песенки**. Тех **двоих, что стоят**, с теми **двумя, что лежат**, можно воспринять при таком составлении как предваряющее все сопровождение. Статичность их положения позволяет так об этом судить. Возникает вопрос о связи шестого и пятого. Можно, конечно, представить себе ситуацию, при которой ходящий ходит сам по себе, не предполагая при этом водящего, но тогда неизбежен вопрос – кого **водит шестой**. Равно как задуматься следует и о цели – что значит **водит**, в каком, собственно, смысле, зачем и куда? Незавершенность «загадочного» оформления предполагает необходимость домысливать, но в то же время и привязывает вождение шестого к хождению пятого. Иными словами, шестой **водит** пятого, должен его водить. Из этого следует внутренне предполагаемая цель и характер вождения – шестой **водит** пятого, когда тот **ходит** и для того, чтобы тот, но не мог ходить, а достигал результата и цели хождения, направляя его и «беря за ручку». Тем самым, **водит**, и тут уже близок ответ, **беря за ручку**, – вроде бы в переносном смысле, а на деле в прямом.

Минимальная трехсоставность, в отношении выведенных ранее *A*, *B* и *C*, с их взаимными отношениями, не предполагая реализацию для устойчивых оборотов с глаголом **водить** при двери (***водить у двери, при двери, под дверью, за дверью** и пр.), должна быть использована как модель, определяющая что-то другое. В этом случае следует предполагать такие манипулятивные действия и проявления: **выставить / выкинуть / вышвырнуть кого-то за дверь** (*A* выставляет *B*, предполагая целью *C* избавление от него, выведение его за пределы данного помещения), **указать / показать кому-то на дверь, с тем же смыслом,**

закрывать / запереть / захлопнуть за кем-либо дверь, не открывать / не открывать кому-либо дверь, закрыть / захлопнуть дверь перед чьим-либо носом, прищемить / прижать / придавить / прибить кого-либо дверью, поставить / вставить / всунуть / впахнуть (свою ногу) поперек двери, лезть / пихаться / соваться / толкаться в чью-либо (в чужую) дверь, пускать / не пускать кого-либо в дверь, приглашать / просить кого-то войти (в дверь), звать кого-либо / кричать кому-либо через дверь и пр.

В отношении двери, когда дверь выступает объектом *B* для *A*, имеющего либо реализующего при ее помощи цель *C*, получаем такие устойчивые обороты: **открыть / закрыть дверь** (открыть с целью войти в помещение, закрыть либо после этого, либо с тем, чтобы не мог кто-то войти, **открыть** может также предполагать необходимость проветривания, равно как и **закрыть** от холода, значения могут быть разные, но цель неизменно есть), **распахнуть (настежь) дверь / двери, (крепко) запереть дверь (на замок / на засов), снять / сорвать дверь (с петель), поставить новую дверь, поменять дверь, отремонтировать / починить / поправить дверь, сломать / пробить / проломить / своротить / разворотить / раскурочить дверь** (при условии не случайного, а целенаправленного воздействия), **смазать (скрипящую) дверь** и т. п.

Как и в предыдущем случае, при том, что было показано в отношении **ходит**, дверь предполагает целевую, отмеченную собой, обусловленность применительно к цели. Это не то, что себя объявляло ранее как граница или предел, предполагающий ограничение либо преодоление и пересечение для того, что непосредственно с дверью не было связано. Применительно к положениям с **водит** дверь становится способом реализации цели, тем, без чего таковую трудно было бы предположить. Дверь при этом может в себе совмещать значения прямого объекта и объекта-орудия. И тогда, исходя из сказанного, названная целевая отмеченная обусловленность осложняется, в отношении **водит**, дополнительным представлением инструментально-медиативного уточнения.

Остается позиция для седьмого, который **песенки поет** в разбираемой загадке. Подход к рассмотрению данного компонента в его проявлении предполагать должен (как и ранее, впрочем) три стороны. Во-первых, **песенки поет** как таковое, производимое кем-либо, действие, а потому вне контекста. Во-вторых, в ряду четырех предшествующих (**двое + двое**, те, что **стоят и лежат**, плюс **пятый**, который **ходит**, и тот, что **водит, шестой**). «Во-вторых» тогда было бы а) для контекста, и в завершение ряда предшествующих четырех, и б) для движения мысли, направляемой на отгадывание в стремлении пять компонентов объединить в единое целое. И тогда, в-третьих, то, что следовало бы рассматривать как проявление седьмого. По внешнему виду **песенки поет** к двери отношения не имеет, не случайно оно опускается в ряде других вариантов. Это не то, что определяет каким-либо образом дверь, выступая по отношению к ней компонентом необязательным.

Отходя для начала от ряда предшествующих шести компонентов и от отношения всех семи к двери, зададимся вопросом, что можно увидеть для определ-

яемого **пения песенки**? Субъект, понимаемый как человек либо ему в силу персонификации уподобляемый, находится в эмоционально-приподнятом, скорее всего беззаботном и радостном состоянии. Действие не предполагает направленности на какой-то объект, и, хотя возможно петь для кого-то, это все же особый случай. Не имеет данное действие, а точнее эмоциональное проявление, также какой-либо видимой и предполагаемой цели, представляясь как самовыражение субъекта. Определять его можно по данной причине как аутоэкспликатив, а точнее аутоэкспрессив: $S > AutExpr$.

Обратимся теперь к соотношению с рядом предшествий, поскольку задача отгадчика заключается в том, чтобы связать все семь компонентов, и не каким-то, а определенным образом. «Двое стоят, двое лежат, пятый ходит, шестой водит, седьмой песенки поет» можно видеть в такой совокупности отображением некоего веселья, с пением и то ли медленной пляской, то ли хождением под это пение, возможно по кругу (**пятый ходит**, а **шестой** его **водит**), при котором **двое**, то ли еще **стоят**, в то время как **двое** уже **лежат**, то ли **стоят**, почему-либо не участвуя. Ситуация в целом понятная, напоминающая производимые, обычно по осени, нередко молодежные, встречи или какое-то празднование. Из чего будет следовать также, что производится все это в каком-либо помещении, или избе, где такая группа из семи собралась. При восприятии данного положения как регулярно производимого определяемое празднование в избе можно видеть либо как то, что не свойственно миру людей, представляя вечный, не повседневный порядок явлений (производимое связывается с какими-то сущностями и не человеческими по своему характеру существами), либо как то, что, будучи свойственно повседневному миру, отображает не столько само это производимое, сколько схему и передаваемую при его посредстве модель.

И тогда, исходя из моделирующего отображения, в том, что **песенки поет**, можно видеть то, о чем ранее уже говорилось, – проявления (человека) в статике вертикального и горизонтального положения (**стояние** и **лежание**), в динамике направленного движения, производимого безобъектно (**хождение**), движения, предполагающего объект (**вождение**) и эмоционального выражения (**песенки поет**).

Остается связать это все, при предполагаемом отгадывании, с дверью. Мысль, обращенная к поиску правильного ответа, находится в помещении, или избе, пытаясь установить, с учетом того, что в описании происходит, к чему это могло бы иметь (в избе) отношение. Оставим, однако, этот, ответный, этап, ибо не в объяснении отгадки состояла задача. Обратимся к двери применительно к пению песенки. Первым, что могло бы прийти на ум в этой связи, была бы известная сказка *Кот, петух и лиса*, в которой приходящая к избушке лиса поет песенки, с тем чтобы похитить оставленного в ней петуха, если бы не то обстоятельство, что поет она песенки не под дверью, а под окошком, в которое любопытный петух на ее пение выглядывает.

Второй, не менее известный сюжет, *Волк и семеро козлят*, ближе к определяемой двери, при той же функции, что и у окошка. Коза, по возвращении из леса,

с тем чтобы козлята ей отворили дверь, сначала постучится в нее, а потом запоет. Подслушавший это волк, со второго раза, перековав себе горло у кузнеца, чтобы петь тонюсеньким голосом, обманом входит в избу. Козлята его впускают. Небезынтересным в этой связи является стоящее за всем этим такое же моделирующее число. Козлят семь, волк съедает из них шестерых, седьмой остается, схоронившийся в печке, седьмой отделен от остальных (как тот, который **песенки поет** в загадке). Мать, уходя, наказывает козлятам не просто не отворять дверь, а тому «Кто придет к избушечке, станет проситься толстым голосом да не переберет всего, что я вам причитываю».

Исходя из сказанного, применительно к двери с пением песенок, можно усматривать следующий состав характеризуемого положения: а) имеется дверь, закрытый и ограждающий помещенный за нею предмет, открываемый при определенных условиях; б) имеются те, кто находится за дверью внутри, объекты ее ограждения; в) имеется тот, кто приходит под дверь, которому следует либо, напротив, не следует открывать; г) имеется необходимая для открывания, оформляемая песенкой, формула, которую е) надо не только в ей надлежащем порядке, не перепутав и не пропустив ничего, перебрать, но и ф) пропеть соответствующим, распознаваемым в тембре, голосом. Дверь тогда выступает в роли инструментально-медиативного, обусловленного (отпиральной формулой) прохибитатива. И это было бы тем, что можно воспринимать как содержащийся в ней моделирующий окружающую действительность, в отношении пения песенок, смысл.

Петь, применительно к двери, **под дверью, перед дверью, за дверью, в дверях, у двери**, типичное не только для русской народной традиции объявление приходящего / приходящих (в святочных обходах домов, обряде сватания, к примеру) с тем, чтобы открыли, вышли навстречу или впустили, соотносится в своей аналогии с **кричать, горланить, орать, вопить, свистеть, хрипеть, каркать** либо издавать другие условные звуки (но не **стучать в дверь** или **кидать в нее чем-нибудь**, что предполагает другой характер взаимодействия) опять же **под дверью, перед дверью, за дверью, у двери**. Все это составляло бы один ряд значений, определяемый направлением внутрь извне. Другой ряд, опять же с пением, можно представить иначе. **В двери, перед дверью, за дверью – петь (песенки), кричать, горланить, вопить, свистеть** и т. п., находясь в ней или выходя из нее, в направлении изнутри вовне. И это могло бы предполагать значением обращение, зов к тому или тем, кто снаружи, либо эмоциональное, опять-таки, проявление от избытка чувств или другой какой-то причины. В этом случае дверь нелогично было бы воспринимать в отношении инструментально-медиативной обусловленности, привязанности или заданности, в том числе целевой. Это, скорее, связанное с ее граничностью, место, терминативный локатив апеллятивного либо экспрессивного проектива.

Что касается двух последних параметров из ранее выведенных как предикаты (д), имеющие отношение к двери и через нее проявляемые, и направленности (е) обусловленного дверью движения или же проявления, отметим их бегло,

не вдаваясь в подробности, что заняло бы немало места. Дверь в этом случае предстает как целое, полученное в результате достигнутого отгадывания. Фигурирует она для сознания, прежде всего, как отверстие или проем, закрываемый деревянным, как правило, полотном, которое ходит на петлях или завесах, входя в отверстие, обычно прямоугольной формы, образуемое твердыми основаниями, двумя косяками, притолокой и порогом, и имея при этом, также обычно, ручку, за которую при открывании следует потянуть. Получаемый в результате образ предполагает, тем самым, указанное отверстие, в которое входят либо выходят, с тем чтобы оказаться внутри либо, напротив, снаружи, и в котором можно также стоять, наблюдая внутренность либо то, что вне и за дверью. Отсюда простые, привязываемые к двери, предикатные положения – **войти / проскочить / просочиться / влезть в дверь, промахнуться мимо двери, выйти / вылететь / выскочить, быть выставленным / выброшенным / выкинутым в двери / из двери, стоять / стать / торчать / показаться / появиться / застрять в двери.**

Положения эти важны не сами по себе, а тем, что способны создать представления о позиции и каких-то особенностях того, кто либо над кем указанное в далеко не полном перечислении осуществляется, передавая в них заключенный характер будь то межличностных, будь то обусловленных социально, будь то каких-то других отношений, становясь выразителями стоящей за этим системы ценностей и знаками данной этнокультуры. Нет возможности, в силу объема, даже самым поверхностным образом все это отобразить, тем более, что значения подобного рода не единичны и проявляются ситуативно. Приведем только некоторые (имея в виду отверстие), закрепленные в пословицах, а потому и каким-то образом ориентированные. **Для зятя и дверь полá** (настежь), т. е. всегда готовы его радушно принять (с возможным, не обязательно скрытым, но иронично-подтрунивающим, подтекстом, ‘попробуй не сделать этого, хлопот и неприятностей не оберешься, да и зачем, коли родственник, а потому и как бы свой человек’). Иллюстрирует это характер сложившихся как межсемейных, так и внутрисемейных, а потому и общественных, отношений (не входя в довольно сложные представления о том, что такое зять, какова его роль для родных жены и возможное с их стороны к нему отношение). Или такой пример, показывающий относительность не всегда оправдываемого положения высшего, считающего себя более достойным, чувствующего свое превосходство и демонстрирующее его: **Дверь смеется над дырой** (сама будучи ею), **косой смеется над кривым**. И из Даля, связываемые с социальными и семейными отношениями: **Палата добра, да дверьми ушла**, сплетни. **Муж в дверь, а жена в Тверь**. С характеристикой неизбежности столкновения с силой нечеловеческого, ничем не сдерживаемом проникновении его в твоё внутреннее и твою жизнь (о человеке также и в том числе): **Заступи чорту дверь, а онъ в окно**¹⁶.

¹⁶ В.И. Даль, *Толковый словарь...*, т. I, с. 418.

Далее следует плоскость, отверстие собой прикрывающая, – полотно, или створ, обычно прямоугольной формы и, при закрывании двери, входящий в прямо стоящие косяки (о которые можно **удариться**) и горизонтальные притолоку и порог (о который можно **споткнуться**, а также **перешагнуть**, **переступить**, о притолоку **стукнуться головой**, не говоря о роли той и другого в обрядах, свадебном, погребальном). В качестве предикатов, характеризующих данную часть двери с заключенными в них направленностями и представлением о содержащихся в них этнокультурных смыслах, приведем такие: **толкнуть / пихнуть дверь, ударить ее / в нее ногой, выставить / выломать / своротить / выбить / пробить / протаранить / продырявить / попортить / испортить / поцарапать дверь, ломиться в дверь, кидаться / швыряться на дверь, войти в нее лбом, набить шишку дверью / о дверь, стучаться в дверь / лупить / колотить в нее (кулаком), разукрасить кому-либо дверь, написать / нарисовать что-либо на двери, пройти мимо чьей-то двери, а также вставить / приставить / поменять дверь, покрасить / обновить дверь** и пр.

Направленности, следующие из предикатов, предполагают, в отношении отверстия и проема, полагаемые в векторах, изнутри вовне, извне внутрь, от себя / на себя, проявления и с ними статическую позицию, определяемую предлогом **в** (в двери), а также **мимо** и **около**. В отношении плоскости – **на** нее, **в** нее, **о** нее, **возле** и **мимо** (двери). Приведем такие пословичные примеры из Даля (без комментария): **Промежь двери пальца не клади. Не бываль я тамь, и не знаю, какь тамь дверь отворяется. Воть тебѣ Богь, воть тебѣ двери (порогь)! Не всякому вѣрь, запирай крѣпче дверь. Хоть ноги изломить, а двери выставить (высадить). И двери богатыхъ стыдятся нищихъ. Пиши долгъ на двери, а получать будешь в Твери. Пиши на дверь, получай съ притолоки.**

В заключение существенным видится подчеркнуть не просто моделирующий характер состава положенной в основу предпринятого рассмотрения загадки, связанный с существованием человека в аспектах его повседневности, семейных, межличностных и общественных отношений, обрядовости, мировоззренческих представлений, мифологических в том числе, но и то, что было заявлено в предлагаемом заглавии. Речь велась о **раскрываемой** двери, понимаемой как то, что содержит, нередко скрывая в себе, и что поэтому можно и стоит раскрыть. Загадка для этого была выбрана как удобный объект не случайно. Определялось все это мыслью о **перцептивно-генеративном**, а потому и мировоззренческом, ощущаемом, воспринимаемом и продуцирующем, положении, – как основание действующей и в языке себя проявляющей ментальной культуры. С мыслью о **положении** как возможных позициях и отношениях, расположениях и соотношениях в концептуальном „нутре”, не только в сознании, но и в определяемом сложившимися знаниями и социально ориентированными значениями бытования и бытии, с переживаниями и ощущениями по их поводу. Отражено все это может быть и отражается во всей совокупности культурно определяемых текстов, художественных в том числе. Для иллюстрации приведем лишь один

пример (таких безграничное множество), который можно и стоит рассматривать в характеризующем не одно только сказанное ключе.

М.Е. Салтыков-Щедрин в своих *Благонамеренных речах (Кузина Машенька)*, показывая провинциальную российскую неприглядность и делая это при посредстве наглядно образных описаний, дает упомянутое ранее положение 'взяться за дверь, за ручку двери': «Вы очутились на одной из третьестепенных станций ... Холодно, сыро, воняет. Наружные двери беспрерывно хлопают, и ни до одной из них нельзя без омерзения притронуться рукой, до того они пропитаны жиром и слизью»¹⁷. Здесь все не случайно, направленно, ориентированно и неизбежно оценочно. Для чего используется не только дверь с предполагаемой ручкой при ней, но (и это самое важное) перцептивно-генеративным образом сопровождаемое и побуждаемое ощущение. То, с чем не хочется соприкасаться, не стоит сталкиваться или дело иметь, поскольку трудно **притронуться** к этому **без омерзения**.

References

- Apresyan V.Yu., Rakhilina, E.V., *Dve storony fasadnosti: dveri i okna*, «Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova» 2020, № 24.
- Bayburin A.K., *Ritual: svoye i chuzhoye*, [v:] *Fol'klor i etnografiya (Problemy rekonstruktsii faktov traditsionnoy kul'tury)*, Leningrad: Nauka 1990.
- Chernykh P.Ya., *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. V dvukh tomakh*, 3-e izd., stereotipnoye, Moskva: Russkiy yazyk 1999.
- Gura A.V., *Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoy kul'ture. Semantika i simbolika*, Moskva: Indrik 2011.
- Dal' V.I., *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. V chetyrekh tomakh*, Vosproizvedeno s izd. 1955 g., nabrannoye i napechatannoye so vtorogo izdaniya (1880-1882 gg.), Moskva: Russkiy yazyk 2000.
- Dëmin R.N., *Zagadka kak odna iz form initsiatsii v filosofskoye znaniye*, «Peterburgskaya shkola» 1998, № 1.
- Entsiklopediya suyeveryiy*, Moskva: Lokid, Mif 1996.
- Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond*. Pod red. O.N. Trubacheva. Vyp. 5 (dělo – d'rž'1'), Moskva: Nauka 1978.
- Etnolingvisticheskiy slovar'*, v 5 t. Pod obshch. red. N.I. Tolstogo, Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya 1999, t. 2: D (Davat') – K (Kroshki).
- Fasmer M., *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V chetyrekh tomakh*. Pervod s nem. i dopolneniya O.N. Trubacheva. Izd. vtoroye, stereotipnoye, Moskva: Progress 1986-1987.
- Levkiyevskaya E.E., *Slavyanskiy obereg. Semantika i struktura*, Moskva: Indrik 2002.
- Orlova O.S., *Zagadka kak ob"yekt lingvisticheskogo izucheniya*, [v:] *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent*, 2017, t. 8, № 3.
- Poslovitsy russkogo naroda. Sbornik V. Dalya v dvukh tomakh*, Moskva: Khudozhestvennaya literatura 1984.

¹⁷ Н. Щедрин (М.Е. Салтыков), *Собрание сочинений*, т. 6, Москва: Правда 1951, с. 333.

- Preobrazhenskiy A.G., *Etimologicheskiiy slovar' russkogo yazyka. V dvukh tomakh*, Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey 1958 (reproduktirovano s vypuskov 1910-1914, 1949).
- Samokhvalov V.P., *Dver'*, [v:] Ego zhe, *Psikhoanaliticheskiiy slovar' i rabota s simbolami snovideniy i fantaziy*, Simferopol': SONAT 1999.
- Shchedrin N. (M.E. Saltykov), *Sobraniye sochineniy*, t. 6, Moskva: Pravda 1951.
- Sedakova I.A., Tolstaya, S.M., *Zagadka v slavyanskom fol'klоре*, [v:] *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiiy slovar'*, v 5 t., pod obshch. red. N.I. Tolstogo, Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1999, t. 2: D (Davat') – K (Kroshki).
- Sedakova O.A., *Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan*, Moskva: Indrik 2004.
- Sibirtseva V.G., *Yazykovaya kartina mira v russkoy zagadke*. Dissertatsiya na soiskaniye stepeni kandidata filologicheskikh nauk, Nizhniy Novgorod 2003.
- Tsiv'yan T.V., *Dom v fol'klornoy modeli mira (Na materiale balkanskikh zagadok)*, [v:] *Semiotika kul'tury. Trudy po znakovym sistemam*, X, Tartu: Izdatel'stvo Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta 1978.
- Vinogradova L.N., *Dver'*, [v:] *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiiy slovar'*, Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya 2002.
- Vinogradova L.N., *Granitsa kak osobaya prostranstvennaya kategoriya*, [v:] *Eë zhe, Mifologicheskiiy aspekt slavyanskoy fol'klornoy traditsii*, Moskva: Indrik 2016.
- Volotskaya M.S., Golovacheva, A.V., *Yazykovaya kartina mira i kartina mira v tekstakh zagadok*, [v:] *Malyye formy fol'klora. Sbornik statey pamyati G.L. Permyakova*. Sost. T.N. Sveshnikova, Moskva: Vostochnaya literatura RAN 1995.
- Zagadki pro dver'*, [v:] <http://zagadki-s-otvetami.ru/359-zagadki-pro-dver.html>.
- Zagadki russkogo naroda. Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach*. Sost. D. Sadovnikov, Moskva: Sovremennyy pisatel' 1995 (po izd. 1876 g.).

NOTA O AUTORZE

Piotr Czerwiński – prof. zw. dr hab., Uniwersytet Śląski w Katowicach, Instytut Językoznawstwa. **Najważniejsze publikacje:** *Семантический язык фольклорной традиции*, Ростов-на-Дону 1989; *Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические основы этносемантики*, Тернополь 2010; *Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц*, Томск 2011; *Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные*, Katowice 2012; *Язык советской действительности. Семантика позитива в обозначении лиц*, Saarbrücken 2012; *Патетизмы советского официоза в аспекте модулятивной семантики*, Saarbrücken 2014; *Формы и виды бега русской ментальной действительности*, Тернополь 2014; *Русский речевой узус*, Тернополь 2018; *Семантика многолюдства русского языкового сознания*, Тернополь 2019.

ORCID: 0000-0001-6575-5736

Email: czerwinski.piotr@gmail.com